

Свет в молитвенном пространстве исихастерия

Высказавшись столь подробно о живописи и устранении пространственного образа в исихастерии, позволим себе ещё одно общее замечание – рассуждение, имея в виду всё уже сказанное. Общее замечание будет отнесено к устройению естественного света в этом пространстве, к соотносению света внешнего и объёмного образа монументальной иконы... к тому художественно - световому решению, которого мы сейчас не видим в существующем вместо храма «музее фресок», настроенном на возможно удобное рассматривание изображений.

Итак, пространство исихастерия имеет всего четыре световых окна: два на западной стене, и два окна на стене северной. Композиционные регистры живописи, и всё образное пространство исихастерия, включают световые окна в живописные системы, соответственно, верхнего и нижнего композиционных ярусов. Заметим, что четыре окна на столь малое пространство вполне достаточны и при естественном свете в дневное время – исключают глубокий полумрак.

Нынче же всё пространство Троицкого придела – активно освещено изнутри выявляющими изображение яркими лампами, направленного снизу-вверх света, которые позволяют детально выявить отдельные фрагменты живописного убранства и пристально рассматривать то, что изображено на стенах. Не так изначально был устроен этот образный объём, лишь частью которого является живопись. Доминирующим светом здесь был свет естественный, - предполагаем так. Свет свечей, вероятно расположенный здесь на подсвечниках или в руках у молящихся, свет лампад, быть может, затепленных в этом пространстве – выявлял, согревал, вылепливал личные отношения человека и образа, предвшедшего перед молитвенным взором.... Судя по расположению и обилию росписи, покрывающей практически сплошь все стены, вполне возможно, что в этом пространстве не оставалось места для отдельных икон на стенах – дополнительные иконы закрывали бы собою часть целостного пространственного образа... Впрочем, допустим возможность размещения иконы аналойной, как бы самостоятельной в исихастерии в ходе общего, малым числом, Богослужения или в течение уединённой личной молитвы. Но представляется более вероятным, что какие – либо дополнительные аналойные иконы здесь отсутствовали вообще, ничто не восполняло достаточный и целостный образный объём, составленный только лишь из фресок, создающих целостную структуру монументального образа в пространстве. Дополнительный «внутренний» образ внутри этого пространства был бы те только излишен... скорее разрушал бы задуманную целостную гармонию, о которой пытаемся высказаться теперь... Увы мы не можем ничем подтвердить этого высказанного предположения, полагаясь лишь на личное зыблющееся мнение на этот счёт.

Итак, световые окна. Два окна на северной стене создают ощущение наполненности светом пространства исихастерия для человека входящего в него из области хор... - и нет сюда иного входа. Нижнее окно северной стены – есть собственно свет, в который буквально в-никает человек входящий... свет, которым выходящий человек препосылается, со-провождается вовне. Пред-дверие исихастерию – неосвещённые тёмные хоры, не имеющие окон... - область тьмы, преуготавливающей ко свету... тьмы, создающей свету отчётливый контраст... тьмы, вос-принимающей изошедшего из области Богообщения во свете... мы вполне достаточно уже рассуждали об этом. Неосвещённые хоры

притенены, на хорах особенно остро воспринимается близость светонасыщенной области исихастерия, наполненной, преисполненной разно-сторонним светом, образами живого письма и несколько от-далённо воспринимается свет, истекающий из светового барабана и фронтально льющийся из отдалённой алтарной апсиды. Но сами хоры не освещены никак, ничем, кроме свечей на подсвечниках и в руках. Для этой области храма, относительно её притенённости вход в исихастерий, конечно же, является близким входом во свет... вникая в исихастерий – вникаешь в область световую, область явственного, осязаемого не телесного, как свеча, - света. Свет, истекающий из верхнего окна северной стены, всегда удалённой от прямых солнечных лучей, – мягко распространяется и вскользь – ложится на образ Троицы – Гостеприимства Авраама, является основным источником освещения для южной стены, выявляет изображения столпников. В этом естественном освещении, даже если и были эти образы написаны в более интенсивной цветовой гамме, чем видятся нам теперь, в несколько, быть может, поблекших цветах... - эти изображения изначально были естественно при-тенены и как бы слегка мерцали, проступали едва уловимыми очертаниями, зыблущимися проявлениями... в мерцании - возникали на стенах осторожной роскрышь цвета. В этом текущем... трепетно и бережливо вникающем внешнем свете из жеста Богоматери Знамения – прорастали и возвышались в утаённую, притенённую высоту свода образы столпников...

Окна западной стены, на которой написан образ святого Макария Великого, за вечерним Богослужением впускают прямой свет солнечных лучей – проникающих на образ Троицы – Гостеприимства. Собственно Троица – Гостеприимство – освещены светом западных окон, светом, устремлённым к востоку. Образ святого Макария, мандорла святого мученика Акакия... - сопровождают вливающийся свет. Образ Макария, написанный во свете, растворённый светом, смешанный со световидностью тела... образ мученика Акакия и глуби мандорлы – усилены светом естественно льющимся от светового окна стены... Образность эта столь сильна и экспрессивна до неуместности, до непереносимости в этой силе - выразительности невыразимого... и отнесена от наших взоров – за спина молящихся. За вечерним Богослужением это соотношение света внешнего и сторон света – наиболее, скажем так, архитектурно, наглядно и значимо – проявляется внутри пространства образа. Свет на восток из узкого окна, втекающий плавно - ложится на противоположную, удалённую, - восточную стену. Умалается, иссякает свет вечеряющий и тем более набирает силы и выразительной ёмкости свет преподанный в образе живописном. Восточная стена не имеет никаких источников внешнего света, но широко, всей живописной структурой - приемлет на себе дневное – вечеряющее свечение. Также и вход в исихастерий со стороны образа Знамения на южной стене – не является источником внешнего света, но впускает во свет.

Представим себе хоть бы на миг эту бледную, эту тонко – образную живопись, едва освещённой, как бы на живой тёплой коже человеческого тела – теплится живой образ... на тонкой живой цвето-несущей и содержащей роскрышь символа оболочке - вокруг человеческого естества, вокруг теплящейся молитвы – раскрывается пространство образа, - внутри него находится молящийся человек, - внутри этого пространства, в которое втекают четыре световых потока, – цветёт... либо долженствует к цветению – молитва и про-цветает теплющаяся трепетная, чутко дрожащая свеча. Для взора молящегося пламень затепленной свечи будет более нагляден, ярк, убедителен, более значим... - скажем так,

чем свет, истекающий из световых окон и растворяющийся легко. И ещё куда более значим – свет, затепливающий человеческое сердце, воздыхающее молитвой...

Несмотря на малое пространство исихастерия, свет из окон всё же недостаточен к тому, чтобы внести внутрь какую-то световую внешнюю – ясность, - её здесь не может возникнуть никак – и живописные образы будут как бы растворяться, почти исчезать при взирании на них, умаяясь пред светом свечи на которой был остановлен взор молящегося. Что видится чрезвычайным важным, даже и сам светонесущий образ святого Макария, написанный на той же стене, что и световое окно, как бы противо-лежащий этому окну... - несомненно будет блёкнута по сравнению с естественным проникающим светом, будет являть собою образ света духовного – света исчезающей, истончающейся на фоне Света Господнего плоти... исчезает душа и человечность – восполняясь в Духе и Духом о-Духотворяемая. словно бы два источника света – распространяют себя от стороны западной стены: исток света естественного – от светового окна... исток света превыше-естественного, невечернего – от живого письма образа святого Макария. Явно: два природно-природных источника – впускают света внутрь исихастерия от западной стены, сопоставленные друг со другом... один с другим – и пред-ставленные перед образом Троицы... мягко – освещаемой от запада – к востоку.

Совершенно не представить себе теперь, не выключив осветительных ламп, искажающих, изменяющих цвет изображений и уничтожающих замысел об устройении образного пространства – не представить себе того, как должна быть организована, к восприятию - выявлена светом эта живопись и весь пространственный образ исихастерия. Живопись не должна быть выделена в нечто само-стоятельное в этом крохотном архитектурном пространстве молитвы, не должна быть акцентированно – предъ-явлена к рассмотрению, к со-зерцанию, не должна доминировать над молитвой, организуя её, воображая человека. Живопись не должна в этом пространстве молитвы жить сама по себе – внутренней герметично – искусственной жизнью, явленной к рассматриванию и к любованию... к познанию. Но живописи должно здесь - обрести своё видимое нами и вместе с нами существующее бытие – исключительно в пространстве текущей молитвы, во свете естественно – втекающем в исихастерий. Вне живого молитвенного наполнения обесценивается, выхолащивается и обесмысливается образ... Повторимся же: во свете не самом явственном и не самом выгодном для рассматривания живописи, образ - бытийствует совершенно полноценно, умножая, стократ – усиливая... либо возбуждая из небытия окамененного нечувствия - свет молитвенного сердцебиения... в меру сил и дарований Господних – затепленного в и достаточного для молящегося. Видимо, основной свет в пространстве исихастерия – свет свечи на подсвечнике, в руке, либо свет лампы... - со-причастный к свету Духа Святого Божиего, свету стяжаемому в молитве, свету от Света – чаемому... свету желанному. Свет языка пламени, на котором, быть может, сосредоточен взор молящегося, - доминирует во внимательном молитвословии, проникая собою и выявляя молитву... и в этом тёплом пламени свечи – растворяется взор, если не обращён он в тишину сердечной глубины. Не проявленные, не слишком внятные, не вполне очевидные образы – таинственно, утаенно, сокровенно, чуть при-открыто – окружают эту молитвенную область вокруг свечи, включают молитву в свой телесный объём, образуемый на грани земного бытия в видимом мире... так мы - пробуем домыслить... представить себе изначальный замысел в устройении образного пространства исихастерия... Образ составляет

объёмную символическую область, как бы мембрану, оболочку – кожу нашего молитвенного со-существования, со-бытия с Богом и область, на грани миров эта весьма истончена, почти проницаема, едва не преодолима... - позволим себе эти слова. Преодолимая, про-ницаемая ткань образа – окружает нас, вмещает нас, не создавая нам неодолимых границ... ото всех сторон - не о-граничивает нас, возгревая наше рвение о Господе, обнадёживая и побуждая нашу жажду Христа... наше молитвенное дерзновение к Богу. Проницаемая символическая мембрана образа уготовлена к тому, чтобы рас-ширить наше существование, чтобы способствовать пре-одолению грани видимого не на одной только живо-писанной плоскости – поверхности изображения перед нами, но как бы на целостном многосоставном, полифоничном, поли-символичном объёме образа. Вот такое дивное сочетание: с одной стороны – света свечи, концентрирующего наше внимание, со-средо-точивающей наш ум, нашу молитву... с другой стороны – света окон, наполняющего это образное пространство и от-свет зыблящийся отражённый, растворённый на иконных монументальных образах. Свет вскользь – наполняет образ Троицы от северной стороны, мягко ложась на поверхность изображения. И прямо, фронтально внешний свет, рассеиваясь, поддерживает этот образ – свет от западных окон. Свет северных окон наполняет образы столпников, образ Знаменья... свет западного окна – вскользь – поддерживает это наполнение. В нынешнем экспозиционно-музейном представлении фресок не воспринять образа в задуманной, сотворённой полноте, - мы вновь повторимся об этом и, лишь угадывая, - судим об утраченном, пребывая внутри пространства исихастерия, наполненном искусственным свечением дополнительных ламп, делающих из пространства молитвы – область экспозиции – демонстрации изображённого живописного убранства, в которой живопись исходит из отведённой ей области – к доминированию над молитвой, к противопоставлению себя молитве... к подавлению молитвы... Пространство экспозиции перестаёт быть молитвенным, - самодостаточным, само-довлеющим становится здесь то, что не пред-назначено для самостоятельного, вне молитвы – существования, для само-бытия внутри исихастерия. Изображение становится наиважнейшим – здесь, ради одних лишь изображений – устроена экспозиция, образ становится куда как более важным, чем молитва, опущенная перед рассматриванием, более важным, чем сам человек, сосредоточенный в молитве – внутри образного пространства... Не образ - пред-назначен для со-бытия с Богом, но человек, сосредоточенный в молитве – внутри образа, в живом человеческом естестве, – здесь и сей час – возможно биение и дыхание собственно жизни Духа, в живом пульсирующем естестве человеческого сердца... Экспозицией образа, увы, разрушается его естественное пред-назначение. Человек со-средо-точный в молитве, пребывающий вблизи своей молитвенной свечи... и в непосредственном со-бытии с Богом, устремляет себя к этому со-бытию, к этому приближению, к пре-одолению своих границ... Под-светка образов бесцеремонно препятствует этому, при-влекая к себе, из-влекая из молитвенной со-средоточенности внутри образа – к его изобразительной, пусть и великолепно – образной периферии.

Вот такие суждения позволяем себе, понимая, сколь отлично пространство молитвенной исихии от объёма музейной экспозиции фресок, как части образа, из которого из-влечена сама жизнь, деятельное живое молитвенное бытие, из-влечён молящийся человек, в котором прекращено и умерщвлено собственно Бого-служение и у-далён Бог. Возмыслим об ином устройении образа в этом же пространстве и мысленно – попробуем настроить себя на то, к чему пред-назначена эта живопись в этом вот – прежде всего и

единственно – значимом здесь молитвенном делании внутри образного пространства исихастерия.